

Мельников К.В. Неопатримониализм в контексте типологии политических режимов // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2017. Т. 17, вып. 3. С. 51–66.

УДК 321.6.8

DOI 10.17506/ryipl.2016.17.3.5166

НЕОПАТРИМОНИАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ ТИПОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Кирилл Вадимович Мельников

аспирант Института философии и права

УрО РАН, г. Екатеринбург.

Email: melnikovrezh@gmail.com

Материал поступил в редколлегию 28.03.2017 г.

Концепция неопатримониализма, сформировавшаяся как ответ на неочевидность основных предположений парадигмы демократического транзита, приобрела большую популярность при анализе политического развития государств Африки, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и постсоветских государств. Однако взрывной рост исследований, применяющих концепцию неопатримониализма в качестве теоретической основы, начал вызывать у исследователей опасения, связанные с «размыванием» содержания концепта и утратой его эвристического потенциала. К числу наиболее принципиальных моментов в этой связи относится вопрос соотношения концепции неопатримониализма с категорией политического режима. Данная проблема имеет два значимых аспекта. Во-первых, важно определиться, является ли неопатримониализм сам по себе разновидностью политического режима. Отрицательный ответ на этот вопрос подразумевает необходимость установить, какой категорией политической науки он выступает. Во-вторых, важно установить, каким образом соотносится неопатримониализм с существующей типологией политических режимов. Являются ли естественной средой для неопатримониализма авторитарные режимы или неопатримониализм может быть обнаружен в любой точке шкалы между авторитаризмом и демократией?

Статья состоит из двух частей, соответствующих обозначенным аспектам. В первой части автор анализирует сложившиеся обозначения неопатримониализма как политического режима, политической системы, политического порядка и делает вывод о том, что неопатримониализм представляет собой тип политического доминирования, складывающийся из двух идеальных типов легитимной власти по М. Веберу – рационально-легального и патримониального. Во второй части рассматриваются исследовательские подходы к проблеме существования неопатримониализма в разных типах политических режимов. Учитывая концепты «неопатримониальной демократии» А. Фисуна и типологию государств «серой зоны» Т. Карозерса, автор считает неоправданной идею отождествления авторитаризма и неопатримониализма. Обобщение опыта дебатов о соотношении неопатримониализма с типологией политических режимов позволяет сделать вывод о том, что стремление поставить их в строгое соответствие абсолютно непродуктивно. Скорее, категория

неопатримониализма дает возможность задать другое измерение для политических систем, анализируя степень частного присвоения публичной сферы и новые формы конструирования традиционного типа доминирования в современности, причем подобные явления могут сочетаться как с авторитарными, так и с демократическими практиками.

Ключевые слова: неопатримониализм, патримониализм, политический режим, неопатримониальная демократия, легитимное господство.

Концепция неопатримониализма приобрела популярность в исследовательской среде по большей части в связи с анализом стран Африки и Латинской Америки, в которых формирование политического режима существенно контрастировало с доминировавшей исследовательской парадигмой транзита. Политическое развитие государств, освободившихся от колониального правления, милитаризованных, а позже и коммунистических режимов демонстрировало, что воспроизвести западные демократические паттерны удалось далеко не всем. Стало понятно, что строительство многих африканских, латиноамериканских и постсоветских государств не осуществляется как заданное движение от авторитаризма к демократии, но, как правило, определяется симбиозом отдельных элементов традиционализма и современного государства. Продуктом модернизации традиционных обществ стали неопатримониальные системы, обладающие собственной устойчивой логикой развития и характеризующиеся следующими признаками [Eisenstadt 1973: 18]:

1) государство управляется как частное владение (патримониум) носителей государственной власти. При этом происходит приватизация общественных функций и институтов, которые становятся источником частных доходов для этих носителей;

2) этнические, клановые, региональные и семейно-родственные связи отнюдь не исчезают, а встраиваются в логику функционирования государственного аппарата, мимикрируя под «с виду современные» политические и экономические отношения;

3) политический центр отделен от периферии, он концентрирует политические, экономические и символические ресурсы власти, перекрывая доступ к ним всем остальным группам и слоям общества.

Внушительный объем исследований, применяющих концепцию неопатримониализма для анализа политических систем различных регионов и различных исторических периодов, вызвал обеспокоенность в связи с начавшимся процессом ее безмерного растяжения и риском потери ею своего исследовательского потенциала. Появился целый ряд исследовательских проектов, изучающих концепцию неопатримониализма *per se* и поставивших своей целью разрешить сложившиеся концептуальные противоречия [Erdman, Engel 2007; Ilyin 2015; von Soest 2010; Bach 2011]. Однако сказать, что неопатримониализм как исследовательская программа окончательно концептуализирован, было бы преждевременно. Помимо задач операционализации (включающих в себя поиск индикаторов, по которым можно оценить неопатримониализм, и классификацию неопатримониальных си-

стем) перед концепцией стоит еще одна проблема – разграничение неопатримониализма и существующей типологии политических режимов. Важно ответить на следующие вопросы:

1. Является ли неопатримониализм разновидностью политического режима?

2. Если является, не представляет ли он собой то же самое, что и авторитарный режим?

3. Если неопатримониализм не представляет собой тип политического режима, то к какой категории политической науки он относится?

4. В каких политических режимах можно встретить неопатримониализм? Удел ли это только авторитарных и гибридных режимов или неопатримониализм может существовать и в рамках демократии?

Задачи представленной статьи будут очерчены кругом именно этих вопросов, успешное решение которых позволит, на наш взгляд, сделать важный шаг к более полной концептуализации понятия неопатримониализма [Старцев 2016].

Неопатримониализм – политический режим, политическая система, тип господства или что-то еще? Первый пункт наших размышлений будет посвящен вопросу определения неопатримониализма в качестве категории политической науки. Одна из проблем концептуализации неопатримониализма связана с чрезмерным расширением категориальных основ этого термина. Как отмечает Михаил Ильин, неопатримониализм подразумевает «...способ жизни, различные способы мышления, целый ряд поведенческих моделей и типов человеческих взаимодействий» [Ильин 2015: 32]. Часто термин «неопатримониализм» рассматривается при этом просто как синоним коррупции, клиентелизма, патронажа, кронизма, nepotизма, захвата государства, государства-хищника, клептократии, режима пребанды, трайбализма, а также труднопереводимых на русский язык категорий «*godfatherism*», «*warlordism*» [Ильин 2015: 31].

Безусловно, определение через синонимы недопустимо, поскольку лишает феномен собственной ценности. Все перечисленные явления могут включаться в интерпретацию неопатримониализма как составные части, но что представляет неопатримониализм сам по себе, к каким категориям политической науки относится – вопрос открытый. Выражаясь языком формальной логики, нам необходимо определить родовый признак понятия «неопатримониализм».

Несмотря на кажущуюся простоту, эта задача оказывается нетривиальной. Часто даже в рамках одного и того же текста можно встретить следующие трактовки неопатримониализма:

- а) политический режим;
- б) политическая система;
- в) тип доминирования;
- г) политико-экономический порядок;
- д) особый тип организации публичной власти.

Несмотря на то что наиболее часто в литературе встречается словосочетание «неопатримониальный режим», феномен неопатримониализма

не сводится к категории политического режима. Наиболее точно к этому вопросу, на наш взгляд, подошел профессор Лимерикского университета Нил Робинсон, который отметил, «что сама по себе категория неопатримониализма охватывает как политический режим, так и механизм политико-экономического управления государством (*governance*) и не сводится лишь к одной из этих составляющих» [Гельман 2015: 8]. Использование термина «неопатримониализм» тем и привлекательно, что дает более широкое описание гибридности (*hybridity*), чем, например, термин «электоральный авторитаризм». Электоральный авторитаризм, подобно любому другому концепту демократии или авторитаризма с прилагательными, рассматривает гибридность только на уровне политического режима. Политический режим как категория охватывает отношения по поводу доступа к власти либо через выборы, либо через различные неконкурентные практики, а также отношения по поводу удержания власти. «Неопатримониализм связан с гибридностью на более широком уровне, чем политические режимы; он признает, что существуют множественные противоречия в рамках политики на *режимном* и *государственном* уровнях, а также между этими уровнями» [Robinson 2014: 7]. Под режимным уровнем Робинсон понимает, прежде всего, правила, по которым осуществляется доступ к власти, а под государственным – «институциональный локус власти» [Robinson 2014: 8-9]. На наш взгляд, мы не сильно исказим логику автора, если скажем, что неопатримониализм подразумевает переплетения различных способов осуществления власти на *политическом* и *административном* уровнях. Действительно, сравнительные исследования в рамках неопатримониальной концепции, как и теоретические работы, рассматривающие неопатримониализм сам по себе, изучают два блока проблем. Первый – по поводу формирования политических элит, выборных процедур, конституционных ограничений в отношении срока пребывания президента у власти и т.п. Второй – по поводу осуществления исполнительной власти и работы бюрократического аппарата: строится ли он на веберовских принципах меритократии, профессионализма, иерархии, формальной закреплённости или логика его функционирования преимущественно неформальная, основанная на патронаже, кумовстве, клиентарном обмене и т.п.

Отсюда следует еще один вывод. Дополняя мысль Робинсона, мы обратимся к Веберу и скажем, что гибридность политико-административной системы в рамках неопатримониальной концепции интерпретируется еще более широко. Это гибрид типов легитимного господства – рационально-легального и патримониального (подтип, или разновидность традиционного типа). При рациональном типе господства притязания на легитимность основаны на вере в легальность зафиксированных в формальных актах порядков и прав распоряжения, которыми обладают те должностные лица, которые получают это господство опять же на основе формальных порядков. Данный тип господства осуществляется посредством бюрократического штаба управления, функционирующего на основе ряда базовых принципов [Вебер 2016: 259-261]. Традиционный тип господства опирается на веру в святость традиции. Господствующий здесь – «это не начальник, а лично 20-

сподин; его штаб управления состоит не из чиновников, а из *личных слуг*. Не объективный служебный долг, а личная преданность слуги определяет отношение того, кто входит в штаб управления, к господину» [Вебер 2016: 264-265]. Вебер выделяет три разновидности традиционного господства: геронтократию, патриархализм и патримониализм. Патримониальное господство отличается от двух других тем, что в нем господин правит при *наличии штаба управления*.

Вопрос о том, *как сосуществуют* в неопатримониальных государствах *два этих веберовских типа*, далеко не разрешен. Одна позиция заключается в том, что рациональные институты – только ширма в неопатримониальных режимах [Chabal, Daloz 1999: 17]. Другая – в том, что недооценивать роль рационально-легального господства в них нельзя [von Soest 2010: 4]. Сторонники третьей позиции утверждают, что два этих типа просто проявляются в различных сегментах общественных, политических и экономических отношений [Розов 2016: 147]. Согласно четвертой позиции власть (или должность) в неопатримониальных режимах приобретает на основе рационально-легальных институтов, но осуществляется как форма личной собственности, то есть патримониально [Clapham 1985: 48; Hanson 2011]. Так или иначе, вопрос до сих пор остается дискуссионным, однако тезис о том, что суть неопатримониализма состоит в переплетении двух форм веберовского господства, бесспорно, составляет консенсус, сложившийся в исследовательской среде.

Из этого следует еще один вывод. Поскольку при установлении веберовского патримониального подтипа политического господства речь идет об апроприации прав на должность и связанных с ней экономических возможностей, то исследования неопатримониализма так или иначе затрагивают проблемы защиты прав собственности, природы рыночного обмена, рентно-распределительных механизмов. Поэтому сводить неопатримониализм исключительно к категории политического режима было бы неправильным, значило бы смотреть на него только с одной единственной стороны¹. Но тогда чем же неопатримониализм является? Нил Робинсон склоняется к тому, чтобы определить его как *политико-экономическую систему* [Robinson 2014: 7], а Владимир Гельман – как политико-экономический порядок [Гельман 2015: 8], под которым, очевидно, следует понимать ту же самую систему. На наш взгляд, такое определение тоже сталкивается с определенными трудностями. Во-первых, сама категория политико-экономической системы не получила должного распространения, сопутствующей концептуализации, типологизации и

¹ Хотя стоит признать, что многое здесь зависит от того, на какое определение политического режима опираться. Например, определение Гильермо О’Доннелла и Филиппа Шмиттера («политический режим – это вся совокупность явных или неявных моделей, определяющих формы и каналы доступа к важнейшим управленческим позициям, характеристики субъектов, имеющих такой доступ или лишенных его, а также доступные субъектам стратегии борьбы за него» [Цит. по: Голосов 2001: 63]) очень тесно переплетается с тем, что входит в основную повестку исследований неопатримониализма (особенно в своем акценте на неявные модели борьбы за власть). Но даже по отношению к этому определению отметим, что неопатримониализм должен вписываться в иную категорию политической науки, которая бы охватила формы администрирования, а также связь с экономическими возможностями.

т.д. Во-вторых, если в качестве типов политико-экономических систем признавать капитализм, коммунизм, социализм, фашизм и другие исторически сложившиеся системы общественных (и связанных с ними политических и экономических) отношений, то следует отметить, что неопатримониализм может существовать в каждой из них. Отметим, например, исследования, изучающие неопатримониальную природу сталинского СССР и вводящие в оборот термин «коммунистический неопатримониализм» [Kitschelt 1999].

Но если неопатримониализм – это не политический режим и не политико-экономическая система, то что же? Какой категорией политической науки он является?

На наш взгляд, нужно вернуться к истокам этого термина и, поскольку он представляет собой соединение двух типов веберовского господства, признать, что сам по себе неопатримониализм тоже является *формой господства*. Да, Макс Вебер выделял только три чистых типа легитимного господства (и их возможные подтипы). Поэтому скептическое отношение к неопатримониализму как к гибриднему типу, который М. Вебер не выделил как самостоятельный тип легитимации власти, вполне объяснимо [Мартьянов 2016: 83]. Однако М. Вебер регулярно на страницах своей фундаментальной работы повторяет, что идеальный тип – это только теоретическая конструкция, которая противостоит казуистичному подходу историков и позволяет социологу выявлять существенные признаки тех или иных общественных явлений. В исторической действительности ни один из трех идеальных типов не выступает в чистом виде. Преимущество, которое идеально-типическая конструкция дает эмпирическим исследованиям, заключается в «...возможности в каждом случае применительно к каждой форме господства показать, что в ней есть “харизматического” (“наследственно-харизматического” или “от должностной харизмы”), “патриархального”, “бюрократического”, “сословного” и т.д. или что в ней приближается к названным типам» [Вебер 2016: 255]. Если бы мы признали тождество идеальных типов и конкретных эмпирических случаев, развертывающихся в политической реальности, тогда такой скепсис мог бы быть оправдан. Но поскольку такое тождество невозможно, выявление новых форм господства на основе идеальных типов может быть методологически совершенно оправданным.

Как отмечает Жан-Франсуа Медар, «неопатримониализм является продуктом противоречий комбинации бюрократических и патримониальных норм, при которой функционирование публично-властной сферы осуществляется по логике патримониальных отношений, а ее легитимация и формальный порядок формирования – по логике отношений рационально-легальных» [цит. по: Фисун 2010: 167]. Поэтому ключевой вопрос неопатримониализма – это то, как осуществляется господство и как оно легитимируется. Именно в связи с этим сам неопатримониализм можно расценивать как форму господства.

Такой подход, не приравнивающий неопатримониализм к типу политического режима или политической системы, позволяет анализировать существование неопатримониализма в различных политических режимах и политических системах. И эта задача кажется еще более интересной. Но

прежде чем обратиться к ней, сделаем одну оговорку. Вывод, к которому мы пришли, не обесценивает употребление словосочетаний «неопатримониальный режим», «неопатримониальная система». На наш взгляд, употребляя эти словосочетания, исследователи тем не менее идут дальше простого описания политического режима или политической системы. Скорее, речь идет об основанной на сочетании двух типов легитимного господства политико-административной системе и связанной с ней природе рыночного обмена.

Неопатримониализм и спектр политических режимов. Итак, каким образом соотносится неопатримониализм с существующей типологией политических режимов, является ли он уделом только авторитарных и гибридных режимов или может существовать и в демократии? В нашем анализе мы будем ориентироваться не на конкретную типологию политических режимов отдельного автора, коих можно насчитать сотни, а, скорее, на наиболее распространенную дихотомию «авторитаризм-демократия», объединяя различные промежуточные случаи, оформившиеся (вкуче с определениями) как концепты авторитаризма и демократии с прилагательными, в категорию гибридных режимов.

Сам вопрос соотношения неопатримониального типа господства и типологии политических режимов является одним из наиболее дискуссионных в исследовательской повестке. По существу, авторы придерживаются двух вариантов ответа на поставленный вопрос.

Первый вариант ответа был заложен вместе с началом дискуссий о воплощении патримониального типа господства в современных политических системах. Исследователь, предложивший эту идею социологическому и политологическому сообществам, Гюнтер Рот, предостерег их от отождествления власти патримониального типа с авторитаризмом, хотя при этом отмечал, что многие элементы патримониальной власти и современного, и традиционного веберовского типа могут быть существенными в авторитарном правлении. «Однако типологически, – отмечает Гюнтер Рот, – отождествление “патримониального” и “авторитарного” является неправильным. Последнее понятие может быть полезным для установления континуума от плюралистической демократии до тоталитаризма; первая же категория относится прежде всего к типологии убеждений и организационных практик, которые могут быть найдены в любой точке данного континуума» [цит. по: Фисун 2010: 163].

Тем не менее наиболее популярной в исследовательской литературе является позиция, согласно которой место неопатримониализма – в авторитарных режимах. Мамуду Газибо, главный редактор «*Neopatrimonialism in Africa and Beyond*» – издания, посвященного современным исследованиям неопатримониализма, опираясь на работы Жан-Франсуа Медара, отмечает, что «его концептуализация неопатримониализма описывает систему, ведомую произволом власти, авторитаризмом, приватизацией власти, клиентелизмом и, прежде всего, слиянием публичной и частной сфер. Неопатримониализм и демократия, очевидно, основаны на прямо противоположенных логических основаниях и (по крайней мере, на первый взгляд) несовместимы» [Gazibo 2012: 79].

Действительно, как утверждает Медар, современное государство предполагает институционализацию власти, демократия требует институциональных механизмов, которые могут ограничить произвол власти, поэтому «патримониализм находит естественный канал выражения в авторитаризме, в то же время он не может не подрывать демократию» [Gazibo 2012: 82]. Следовательно, любая попытка демократизации предполагает выход за рамки неопатримониализма.

Несовместимость демократии и неопатримониализма, кажется, налицо. «Когда правящая партия может проиграть выборы и мирно уступить власть, когда каждого руководителя можно привлечь к суду и независимый суд будет судить по закону, когда устанавливаются формальные и безличные правила взаимодействия, а ресурсы распределяются не секретно кланами в свою пользу, а открыто и в соответствии с формальными процедурами, когда журналисты и парламентские комиссии способны расследовать любое злоупотребление властью, то основания патримонии сокращаются, подобно шагреновой коже» [Розов 2015: 170]. К схожему выводу приходит и В. Гельман, называя персональный авторитаризм одним из следствий неопатримониализма [Гельман 2015: 8].

Но как в таком случае это согласовать с утверждением о том, что неопатримониализм выходит за рамки существующей типологии политических режимов? Если принимать логику отождествления авторитаризма и неопатримониализма, как быть с таким термином, как «*неопатримониальная демократия*» [Фисун 2016; Фисун 2011], введенным не так давно Александром Фисуном в отношении современной Украины? Если считать неопатримониализм и демократию несовместимыми, это звучит как оксюморон.

Что же понимается под термином «неопатримониальная демократия»? Александр Фисун использует этот термин для описания политической реальности Украины после конституционной реформы 2004 г., которая установила в Украине премьер-президентскую систему. Если раньше одной из важнейших характеристик неопатримониализма считалось формирование клиентарно-патронажной сети вокруг президента, то конституционная реформа 2004 г. в Украине заложила уникальную возможность формирования двух автономных, конкурирующих и относительно равнозначных клиентарно-патронажных вертикалей: патронажной сети Президента В. Ющенко и патронажной сети премьера Ю. Тимошенко. «Возможность сосуществования двух патронажных вертикалей гарантировалась отдельным контролем различных элементов “силовой машинерии” (правоохранительной системы, спецслужб, судебной системы и прокуратуры), что обоюдно блокировало любые возможности “силового” наезда друг на друга» [Фисун 2011: 121].

И в этом новом для Украины формате политической системы неопатримониальной демократии ключевым игроком и ее «...принципиальным агентом» выступает партийный холдинг, который агрегирует интересы нескольких влиятельных групп интересов и ведет электоральную борьбу за голоса избирателей, а значит и, в конечном счете, за доступ к разделу рентоизвлекающих позиций в государственной машине и вертикали исполнительной власти». [Фисун 2011: 123]. Причем партийные холдинги сами

по себе представляют неопатримониальную структуру. С одной стороны, формально это политические партии, ведущие борьбу с другими партиями за голоса избирателей. С другой стороны, они представляют собой клиентарно-патронажные сети, объединяющие политических предпринимателей, целью которых является конвертация власти в собственность.

Обобщим основные черты *неопатримониальной демократии* в отличие от *классического неопатримониализма*:

– существует реальная электоральная конкуренция, результаты выборов имеют высокую степень неопределенности;

– отсутствует стратегия «победитель получает все», распределение электоральных выигрышей перестает быть монопольным (зависящим от результатов выбора президента, как это бывает в классических неопатримониальных режимах), а становится кооперативным;

– имеет место раздел силового ресурса, возможность «силового наезда» друга на друга со стороны ключевых игроков (президента и премьера) заблокирована;

– формируется не одна, а две относительно равносильные, автономные и конкурирующие клиентарно-патронажных сети, в центре которых находятся президент и премьер-министр;

– ключевая борьба за рентоизвлекаемые позиции ведется несколькими примерно равными политическими холдингами, опирающимися на автономные группы интересов.

Надо сказать, что в такой системе высок риск конституционного тупика, когда ключевые решения блокируются одной из групп акторов. Когда разрешение противоречий в рамках легальных конституционных процедур становится невозможным, способом выхода из патовой ситуации становятся «неформальные параконституционные практики межфракционного торга межэлитных сделок и обменов» [Фисун 2011: 124]. Яркими примерами такого торга являются третий тур президентских выборов 2004 г., формирование правительственной коалиции 2010 г., соглашение об урегулировании политического кризиса между В. Януковичем и представителями украинской оппозиции 21 февраля 2014 г. Такой способ достижения консенсуса также подтверждает неопатримониальную природу политического режима Украины.

Мы столь подробно остановились на феномене неопатримониальной демократии, чтобы выявить ее основные черты и понять, насколько в ней взаимоувязаны неопатримониализм и демократия, или в чем заключаются демократичность неопатримониализма и неопатримониализм демократии. На наш взгляд, модель, предложенная А. Фисуном для объяснения политического режима Украины, убедительно и четко показывает, что сложившаяся политическая система обладает конститутивными признаками и демократии, и неопатримониализма, формируя при этом совершенно самостоятельный тип, обладающими ясными признаками. Поэтому назвать термин «неопатримониальная демократия» оксюмороном будет неправильно.

К категории неопатримониальной демократии можно отнести и политическую систему России периода президентства Б. Ельцина. С одной

стороны, отмечаются достаточно либеральные правила электоральной борьбы, непредсказуемость результатов выборов (реальная опасность для Президента проиграть на выборах 1996 г.), с другой стороны, имело место формирование широкого слоя рентоориентированных региональных и олигархических игроков. Вхождение крупных собственников в состав государственных структур в качестве платы за финансирование выборной кампании Б. Ельцина, их стремление использовать должностной ресурс в личных экономических целях (яркий пример – попытка приватизации государственной компании «Связьинвест» заместителем секретаря Совета Безопасности России Б. Березовским) характеризуют неопатримониальную природу российского политического режима того периода на уровне элит. Но корни рентоориентированного поведения уходят еще глубже – в ежедневные практики органов власти регионального и местного уровней, в особенности органов правопорядка. Приватизация публичных полномочий органами правопорядка получила свое выражение в феномене, которому Вадим Волков дал название «силовое предпринимательство» [Волков 2012].

Поэтому стоит признать возможность сосуществования демократических правил игры и неопатримониальных практик. Но при этом нужно сделать оговорку. Ни современная Украина, ни Россия 1990-х не рассматриваются исследователями как консолидированные демократии. Скорее, речь идет о гибридных режимах.

И здесь в нашей попытке разобраться в вопросе соотношения неопатримониализма с типологией политических режимов будет полезным обратиться к типологии, предложенной одним из главных критиков парадигмы транзита Томасом Карозерсом. Он делит все государства «серой зоны» (то есть не относящиеся прямо ни к демократии, ни к авторитаризму) на два типа: на *бесплодный плюрализм (feckless pluralism)* и *режим доминирующей власти (dominant-power politics)*. При этом исследователь отказывается от того, чтобы их классифицировать как какие-либо демократии с прилагательными, поскольку справедливо отмечает, что «описывая страны в серой зоне как некие типы демократических государств, аналитики в действительности пытаются применять парадигму перехода к тем самым странам, политическое развитие которых ставит эту парадигму под сомнение» [Карозерс 2002: 49]. При этом аналитическая необходимость развести две разные модели, сформировавшиеся в рамках «серой зоны», налицо.

Бесплодный плюрализм, по Т. Карозерсу, отличается такими элементами демократии, как регулярные и действительно соревновательные выборы, чередование власти. Однако дальше выборов демократические практики не идут. Граждане не стремятся участвовать в политике, испытывают недоверие к политическим элитам, воспринимая их как коррумпированные и безразличные к судьбе страны группировки. Бесплодный плюрализм может существовать в различных формах. «В одних случаях партии, сменяющие друг друга у власти, охвачены парализующей их враждой. Находясь в оппозиции, они делают все, чтобы помешать сопернику хоть что-нибудь предпринять, как это происходит в Бангладеш. В других случаях конкурен-

ция элит приводит к коллизии, которая, формально или неофициально, делает смену власти бесполезной в различных аспектах, как это произошло в Никарагуа в конце 1990-х гг. В некоторых странах, пораженных бесплодным плюрализмом, политическая конкуренция присуща глубоко укоренившимся партиям, которые по сути действуют как патронажные сети и, очевидно, неспособны к обновлению, как в Аргентине или Непале. В других государствах у власти чередуются постоянно меняющиеся политические группировки, партии-однодневки, возглавляемые харизматическими личностями, или временные союзы еще неустановившейся политической идентичности, как в Гватемале или в Украине» [Карозерс 2002: 51]. Общей чертой их все же является то, что политические элиты, будучи плюралистическими, глубоко отчуждены от граждан.

При *режиме доминирующей власти* в государстве есть конституционно оформленные элементы демократии (демократическая конституция, выборы президента, парламента), есть определенное пространство для оппозиции, возможность конкурировать на выборах, однако одна политическая группировка (партия, семья, отдельный лидер) доминирует в политической системе настолько, что в ближайшем будущем смена власти представляется маловероятной. В отличие от бесплодного плюрализма, режим доминирующей власти концентрирует ресурсы государства (в том числе силовые структуры, СМИ) вокруг правящей группировки. Следствиями длительного удержания власти часто становятся системообразующая коррупция и «капитализм для своих» (*crony capitalism*). Определенное давление со стороны общества заставляет на уровне публичной риторики признать проблему коррупции, однако реальная практика борьбы с ней не может быть успешной, поскольку система во многом держится за счет клиентарно-патронажных связей и иных неформальных отношений.

Типология гибридных режимов, предложенная Т. Карозерсом, интересна в рамках настоящего исследования, поскольку показывает, что находящиеся в «серой зоне» государства, хоть и в разной степени, обладают типичными чертами и демократии (плюрализм политических партий, выборность основных должностных лиц и парламента, часто непредсказуемость выборов, распределение силового ресурса между различными игроками и т.д.), и неопатримониализма (системообразующая коррупция, патронажные сети, элитные сговоры и т.д.).

Объяснение Т. Карозерсом сущности государств «серой зоны» и концепция неопатримониальной демократии А. Фисуна доказывают возможность сосуществования неопатримониализма и демократии. И этот факт, по сути, примиряет два взгляда на соотношение неопатримониализма и существующей типологии политических режимов. С одной стороны, недопустимо отождествление неопатримониализма и авторитаризма. С другой – стоит признать невозможность существования неопатримониализма в рамках *устойчивых* демократических государств. При этом в рамках различных гибридных форм (о которых и идет речь в исследованиях Т. Карозерса и А. Фисуна) сосуществование демократических паттернов и неопатримониальных практик более чем вероятно.

Таким образом, неопатримониализм может быть присущ гибридным и авторитарным режимам. При этом авторитарные режимы не обязательно являются неопатримониальными. В качестве подтверждения этого тезиса можно привести пример Германии второй половины XIX в., «...которая управлялась легально-рациональной бюрократией и верховенством права, однако эта версия верховенства права не была основана на правах человека и точно не была основана на демократических свободах» [Erdmann, Engel 2007: 111]. Как видим, авторитарные режимы вполне сочетаются не только с неопатримониальным, но и с рационально-легальным доминированием (близким к чистому). Опираясь на принцип разделения политического и административного уровней государства (правительства и бюрократии), Д. Эрдман и У. Энгель предлагают следующую таблицу соотношения типов доминирования в разных политических режимах на двух уровнях политико-административной системы (таблица).

Правительство и бюрократия в различных режимных типах¹

Режимный тип	Демократический		Гибридный	Авторитарный	
Подтипы	Консолидированный	Нелиберальный, дефектный, делиберативный и т.д.	Возможные подтипы	Бюрократический	Неопатримониальный
1	2	3	4	5	5
Правительство	Легальное	Легальное (персональное)	Легальное (персональное)	Персональное	Персональное
Бюрократия	Легальная	Неопатримониальная	Неопатримониальная	Легальная	Неопатримониальная

Это умозаключение, уточненное в форме матрицы, доказывает, что концепция неопатримониализма выходит за рамки классической триады политических режимов (демократия – гибридные режимы – авторитаризм). Неопатримониальные формы власти могут быть найдены в любой точке режимного спектра. Но при этом же они могут быть несвойственны не только консолидированным демократиям² (как утверждают М. Газибо,

¹ См. об этом подробнее [Erdmann, Engel 2007: 113].

² Отметим, что существуют работы, в которых изучаются патримониальные практики, имеющие место в современных устойчивых демократических системах. Профессор Висконсинского университета Иван Ермаков, например, в статье «Patrimony and Collective Capacity: An Analytical Outline» показывает, как патримониальные практики проявляются в работе Конгресса США и академической системы Франции [Ermakoff 2011]. Профессор Университета штата Нью-Йорк в Олбани Ричард Лахман утверждает, что патримониальные отношения пронизывают современную систему здравоохранения и государственной службы США [Lachman 2011]. Соглашаясь с тем, что патримониальные практики могут быть найдены в любой системе властных отношений, скажем все же, что неопатримониализм не распространен в этих системах настолько, чтобы составлять их суть и приводить к частному присвоению публичных функций.

Ж.-Ф. Медар, Н. Розов), но и ориентированным на нормы легальной рациональности авторитарным режимам. Поэтому в действительности установление прямого соответствия между политическим режимом и неопатримониализмом малопродуктивно. Неопатримониализм, скорее, задает другую шкалу, или дополнительное измерение, политических систем. Для этой концепции важно не то, каким образом организована конкуренция в политике, но то, насколько публичная сфера присваивается в частных интересах, с какой силой и в каких масштабах проникают в современную политическую ткань традиционные формы господства (включая личную преданность, клиентелизм, nepotism и иные ее составляющие компоненты). И это можно рассматривать как одно из основных преимуществ концепта. Он позволяет оценивать то, как осуществляется власть и с точки зрения формальных установлений, и с точки зрения неформальных практик, вне зависимости от типа политического режима. Это делает концепцию неопатримониализма принципиально новаторской и способной привести исследователей к глубоким и нетривиальным выводам о том, как реально осуществляется власть в том или ином политическом сообществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Вебер М. 2016. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. Т. 1 / сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионин. М. : Издат. дом Высш. шк. экономики. 445 с.
- Волков В.В. 2012. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге. 352 с.
- Гельман В.Я. 2015. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма : препринт М-41/15. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге. 44 с.
- Голосов Г. 2001. Сравнительная политология : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге. 368 с.
- Карозерс Т. 2002. Конец парадигмы транзита // Полит. наука. № 2. С. 42-65.
- Мартьянов В. 2016. Российский политический порядок в рентно-сословной перспективе // ПОЛИС : Полит. исслед. № 4. С. 81-99.
- Розов Н. 2015. Теория трансформации политических режимов и природа неопатримониализма // ПОЛИС : Полит. исслед. № 6. С. 157-172.
- Розов Н. 2016. Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации // ПОЛИС : Полит. исслед. № 1. С. 139-156.
- Старцев Я. 2016. Неофеодализм: эффектная метафора или релевантная концепция? // Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В.С. Мартянова, Л.Г. Фишмана. М. : Полит. энцикл. С. 200-215.
- Фисун А. 2010. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // Полит. концептология. № 4. С. 158-187.
- Фисун А. 2011. Украинская неопатримониальная демократия: формирование, специфика и тенденции развития // Ойкумена : альм. сравнит. исслед. полит. ин-тов, социал.-экон. систем и цивилизаций. № 8. С. 119-127.
- Фісун О. 2016. Неформальні інститути та неопатримоніальна демократія в Україні // Агора. № 17. С. 9-13.

Bach D.C. 2011. Patrimonialism and Neopatrimonialism: Comparative Trajectories and Readings // *Commonwealth & Comparative Politics*. Vol. 49, № 3. P. 275-294.

Chabal P., Daloz J.P. 1999. *Afrika Works: Disorder as Political Instrument*. [London] : International African Institute in association with James Currey ; Oxford ; Bloomington : Indiana Univ. Press. 192 p.

Clapham C. 1985. *Third World Politics*. Madison : Univ. of Wisconsin Press. 256 p.

Eisenstadt S.N. 1973. *Traditional patrimonialism and modern neopatrimonialism*. Beverly Hills (Calif.) : Sage Publications. 96 p.

Erdmann G., Engel U. 2007. Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Concept // *Commonwealth & Comparative Politics*. Vol. 45, № 1. P. 95-119.

Ermakoff I. 2011. Patrimony and Collective Capacity: An Analytical Outline // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 636, № 1. P. 182-203.

Gazibo M. 2012. Can Neopatrimonialism Dissolve into Democracy? // *Neopatrimonialism in Africa and Beyond*. P. 79-89.

Hanson S. 2011. Plebiscitarian Patrimonialism in Putin's Russia: Legitimizing Authoritarianism in a Postideological Era // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 636, № 1. P. 32-48.

Ilyin M. 2015. Patrimonialism. What is Behind the Term: Ideal Type, Category, Concept or just a Buzzword? // *Yearbook of Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory*. Vol. 18, № 1. P. 26-51.

Kitschelt H. 1999. *Post-Communist Party Systems: Competition, Representation, and Inter-Party Cooperation*. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 476 p.

Lachmann R. 2011. Coda: American Patrimonialism: The Return of the Repressed // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 636, № 1. P. 204-230.

Robinson N. 2014. *The Political Origins of Russia's «Culture Wars»*. Limerick : Univ. of Limerick, Department of Politics and public administration. 37 p.

Soest Ch. von. 2010. What Neopatrimonialism is – Six Questions to the Concept // GIGA-Workshop “Neopatrimonialism in various World Regions”. Hamburg : GIGA German Institute of Global and Area Studies. 21 p.

K. Melnikov. Neopatrimonializm v kontekste tipologii politicheskikh rezhimov [Neopatrimonialism in the context of political regimes' typology], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 51-66. (in Russ.).

Kirill V. Melnikov, Post-graduate Student, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg.
E-mail: melnikovrezh@gmail.com

Article received 28.03.2017, accepted 03.05.2017, available online 01.10.2017

NEOPATRIMONIALISM IN THE CONTEXT OF POLITICAL REGIMES' TYPOLOGY

Abstract. The concept of neopatrimonialism formed as a response to the non-obviousness of basic assumptions of the democratic transit paradigm has gained great popularity in

analyzing the political development of African, Latin American, Southeast Asian, and post-Soviet states. However, the explosive growth of research based on these concept starts to cause concerns of its blurring and loss of heuristic potential. One of the most important problem is correlation between neopatrimonialism concept and the category of political regimes. This problem has two principal aspects. First, it is important to determine whether neopatrimonialism itself is a kind of political regime. A negative answer to this question implies the need to clarify what kind of political science category it represents. Second, it is important to clarify how neopatrimonialism relates to the existing typology of political regimes. Are authoritarian regimes the natural abode for neopatrimonialism, or neopatrimonialism could be found anywhere – from authoritarianism to democracy? The article consists of two parts, which correspond to the above-mentioned aspects. In the first part, the author analyzes the existing notions of neopatrimonialism as a political regime, political system, political order, and concludes that neopatrimonialism is a type of political domination formed by two Max Weber's ideal types: rational-legal and patrimonial ones. In the second part, the author summarizes research approaches to the problem of neopatrimonialism in different types of political regimes. Taking into account Alexander Fisun's concept of "neopatrimonial democracy", and Thomas Carothers's typology of "gray zone", the author considers the idea of identifying authoritarianism and neopatrimonialism as irrelevant. Summarizing the debates on the correlation of neopatrimonialism and typology of political regimes, the author considers the idea of their strict conformity as counterproductive. Rather, neopatrimonialism concept provides another dimension for political systems, analyzing the degree of private appropriation of the public sphere and new forms of constructing the traditional type of dominance in modernity. In turn, these phenomena could be combined with both authoritarian and democratic practices.

Keywords: neopatrimonialism, patrimonialism, political regime, neo-patrimonial democracy, legitimate rule.

References

- Bach D.C. Patrimonialism and Neopatrimonialism: Comparative Trajectories and Readings, *Commonwealth & Comparative Politics*, 2011, vol. 49, no. 3, pp. 275-294.
- Carothers T. *Konets paradigmy tranzita* [The End of the Transition Paradigm], *Polit. nauka*, 2002, no. 2, pp. 42-65. (in Russ.).
- Chabal P., Daloz J.P. *Afrika Works: Disorder as Political Instrument*, [London], International African Institute in association with James Currey, Oxford, Bloomington, Indiana Univ. Press, 1999, 192 p.
- Clapham C. *Third World Politics*, Madison, Univ. of Wisconsin Press, 1985, 256 p.
- Eisenstadt S.N. *Traditional patrimonialism and modern neopatrimonialism*, Beverly Hills (Calif.), Sage Publications, 1973, 96 p.
- Erdmann G., Engel U. Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Concept, *Commonwealth & Comparative Politics*, 2007, vol. 45, no. 1, pp. 95-119.
- Ermakoff I. Patrimony and Collective Capacity: An Analytical Outline, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2011, vol. 636, no. 1, pp. 182-203.
- Fisun A. *K pereosmysleniyu postsovetskoy politiki: neopatrimonial'naya interpretatsiya* [By Rethinking of Post-Soviet Politics: Neopatrimonial Interpretation], *Polit. kontseptologiya*, 2010, no. 4, pp. 158-187. (in Russ.).
- Fisun A. *Ukrainskaya neopatrimonial'naya demokratiya: formirovanie, spetsifika i tendentsii razvitiya* [Ukrainian Neopatrimonial Democracy: Formation, Specificity and

Development Trends], *Oyukumena : al'm. sravnit. issled. polit. in-tov, sotsial.-ekon. sistem i tsivilizatsiy*, 2011, no. 8, pp. 119-127. (in Russ.).

Fisun O. *Neformal'ni instituti ta neopatrimonial'na demokratiya v Ukraini* [Informal Institutions and Neopatrimonial Democracy in Ukraine], *Agora*, 2016, no. 17, pp. 9-13. (in Ukrain).

Gazibo M. Can Neopatrimonialism Dissolve into Democracy?, *Neopatrimonialism in Africa and Beyond*, 2012, pp. 79-89.

Gelman V.Ya. *Modernizatsiya, instituty i «porochnyy krug» postsovetskogo neopatrimonializma : preprint M-41/15* [Modernization, Institutions and the “Vicious Circle” of Post-Soviet Neopatrimonialism : prepr.], St. Petersburg, Izd-vo Evrop. un-ta v Sankt-Peterburge, 2015, 44 p. (in Russ.).

Golosov G. *Sravnitel'naya politologiya : uchebnik* [Comparative Political Science : Textbook], 3rd ed., rev. and augm., St. Petersburg, Izd-vo Evrop. un-ta v Sankt-Peterburge, 2001, 368 p. (in Russ.).

Hanson S. Plebiscitarian Patrimonialism in Putin's Russia: Legitimizing Authoritarianism in a Postideological Era, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2011, vol. 636, no. 1, pp. 32-48.

Ilyin M. Patrimonialism. What is Behind the Term: Ideal Type, Category, Concept or just a Buzzword?, *Yearbook of Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory*, 2015, vol. 18, no. 1, pp. 26-51.

Kitschelt H. *Post-Communist Party Systems: Competition, Representation, and Inter-Party Cooperation*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1999, 476 p.

Lachmann R. Coda: American Patrimonialism: The Return of the Repressed, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2011, vol. 636, no. 1, pp. 204-230.

Martyanov V. *Rossiyskiy politicheskiy poryadok v rentno-soslovnoy perspektive* [Russian Political Regime in the Rent-Estate Perspective], *POLIS : Polit. issled.*, 2016, no. 4, pp. 81-99. (in Russ.).

Robinson N. *The Political Origins of Russia's "Culture Wars"*, Limerick, Univ. of Limerick, Department of Politics and public administration, 2014, 37 p.

Rozov N. *Neopatrimonial'nye rezhimy: raznoobrazie, dinamika i perspektivy demokratizatsii* [Neopatrimonial Regimes: Diversity, Dynamics, and Prospects for Democratization], *POLIS : Polit. issled.*, 2016, no. 1, pp. 139-156. (in Russ.).

Rozov N. *Teoriya transformatsii politicheskikh rezhimov i priroda neopatrimonializma* [The Theory of Political Regimes' Transformation and Nature of Neopatrimonialism], *POLIS : Polit. issled.*, 2015, no. 6, pp. 157-172. (in Russ.).

Soest Ch. von. What Neopatrimonialism is – Six Questions to the Concept, GIGA-Workshop “Neopatrimonialism in various World Regions”, Hamburg, *GIGA German Institute of Global and Area Studies*, 2010, 21 p.

Startsev Ya. *Neofeodalizm: effektnaya metafora ili relevantnaya kontseptsiya?* [Neofeudalism: an effective metaphor or a relevant concept?], *V.S. Martyanov, L.G. Fishman (eds.) Rossiya v poiskakh ideologii: transformatsiya tsennostnykh regulyatorov sovremennykh obshchestv*, Moscow, Polit. entsikl., 2016, pp. 200-215. (in Russ.).

Volkov V.V. *Silovoe predprinimatel'stvo, XXI vek: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [Power Entrepreneurship, XXI Century: Economic and Sociological Analysis], 3rd ed., rev. and augm., St. Petersburg, Izd-vo Evrop. un-ta v Sankt-Peterburge, 2012, 352 p. (in Russ.).

Weber M. *Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii. V 4 t. T. 1* [Wirtschaft und gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie, in 4 vols. Vol. 1], Moscow, Izdat. dom Vyssh. shk. ekonomiki, 2016, 445 p. (in Russ.).